

УДК 34:007; 34.01; 342; 341; 004.8; 004.9; 006; 007; 681.5

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73

ЮНИТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЭЛЕКТРОННОЕ ЛИЦО

Морхат П.М.

Арбитражный суд Московской области

107053, г. Москва, пр-т Академика Сахарова, д. 18, Российская Федерация

Аннотация. Цель: Настоящая статья посвящена исследованию юридических и фактических возможностей, условий, оснований и концептов установления правосубъектности юнитов искусственного интеллекта.

Методы исследования: В статье используется метод системного и комплексного анализа, а также сравнительно-правовой.

Результаты исследования: В статье объяснены возможности применения концепций правосубъектности к юнитам искусственного интеллекта. Автор анализирует возможность применения концепции коллективного субъекта права к электронному лицу, причины и целесообразность наделения юнита искусственного интеллекта правосубъектностью.

Теоретическая/практическая значимость: Основные выводы авторов могут быть использованы в учебной литературе по актуальным проблемам гражданского права.

Новизна: Автором исследованы вопросы и задачи, которые могут быть решены с введением нового правового института электронных лиц, а также проблемы и риски, которые могут возникнуть с введением данного концепта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юнит искусственного интеллекта, электронное лицо, электронный агент, правосубъектность, компьютерное право, информационное право, теория права.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE UNIT AS ELECTRONIC PERSONALITY

P. Morkhat

Arbitration Court of the Moscow Region

18, Akad. Sakharov ave., Moscow, 107053, Russian Federation

Abstract. Objective. This article is devoted to the study of legal and factual possibilities, conditions, bases and concepts of establishing a legal entity of artificial intelligence units.

Research methods. method of system and complex analysis, comparative-legal method are used in the article.

Results of the research: The article explains the possibilities of applying a legal personality concept to artificial intelligence units. The author analyzes the possibility of applying the concept of a collective subject of law to an electronic personality, the reasons and expediency of endowing an artificial intelligence unit with legal personality.

Theoretical/practical significance. The author's main findings of the can be used in academic textbooks on topical issues of civil law.

Novelty. The author has explored the issues and problems that can be solved with the introduction of a new legal institution of electronic entities, as well as the problems and risks that may arise with the introduction of this concept.

Key words: artificial intelligence, artificial intelligence unit, electronic personality, electronic agent, legal personality, Computer Law, Information Law, theory of law.

По мнению Г.А. Гаджиева, «с учётом того, что цифровая экономика предполагает наличие очень больших рынков, наибольшие выгоды может дать не официальное признание роботов-агентов правосубъектными, а частноправовое признание личности производителей роботов-агентов потребителями, а поэтому необходимо увеличивать затраты именно на это признание личности производителя» [1, с. 28].

В 2017 г. Европейский Парламент в своей резолюции вместе с рекомендациями Комиссии «Нормы гражданского права о робототехнике» [8] указал на необходимость определения особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе таким образом, чтобы хотя бы наиболее сложные автономные роботы могли быть наделены статусом электронных лиц, которые несут ответственность за свои действия и могут принимать независимые решения или иным образом независимо взаимодействовать с третьими лицами.

При этом исследователи отмечают, что характер правового статуса электронного лица, предложенного Европейским Парламентом, пока не ясен и, возможно, будет определён в будущем [11, р. 59].

Очевидно одно: речь идёт о потенциальном наделении робототехники некоторой определённой правосубъ-

ектностью, соответственно, существует необходимость научного осмысления данного вопроса.

В настоящей статье будут рассмотрены возможности применения концепций правосубъектности к юнитам искусственного интеллекта.

Понятие правосубъектности применительно к юнитам искусственного интеллекта

Начнём с понятия общей правосубъектности в целом, которое предполагает способность осуществлять права и выполнять обязанности, а также нести ответственность.

Всех субъектов права можно разделить на две основные крупные категории: индивидуальные и коллективные субъекты. К индивидуальным субъектам относятся физические лица, к коллективным – организации, государство и т. д.

Концепция электронного лица (как потенциального субъекта права) является совершенно новой, соответственно, в первую очередь необходимо понять, вписывается ли такое лицо в указанную классификацию либо же будет представлять собой новый вид субъектов.

Следствием наделения юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью будет то, что такие устройства будут иметь не только права, но и обязанности [15, р. 214].

При этом цель наделения актора правосубъектностью заключается в том, чтобы позволить ему определённые правовые последствия своих действий и ощущать на себе воздействие этой правовой системы [5].

С.М. Солайман указывает, что вкратце правосубъектность включает в себя следующие требования или атрибуты: лицо может быть субъектом права; бытие субъектом права влечёт за собой способность осуществлять права и выполнять обязанности; осуществление права требует осознанности и выбора [12, р. 161].

Концепция индивидуального субъекта права применительно к электронному лицу

Рассмотрим возможность применения концепции индивидуальной правосубъектности к электронному лицу, как если бы оно было сравнимо с человеком.

По мнению Джоанны Брайсон, Михалиса Диамантиса и Томаса Гранта, использование термина “электронное лицо” указывает на чёткое намерение придать некоторым интеллектуальным предметам статус личности, наделённой правосубъектностью, которой наделено и большинство людей [5].

При этом в таком контексте определение понятия личности с юридической точки зрения является очень актуальной темой [9].

Как правило, в дискуссиях по поводу наделения правосубъектностью искусственных агентов речь заходит о необходимых и достаточных условиях, которым должен такой агент соответствовать, чтобы классифицироваться

как подлинный познающий субъект наравне с человеком [6].

Основной вопрос, обсуждаемый в рамках таких дискуссий, касается того, могут ли искусственные агенты иметь самосознание [6], чего на данный момент развития технологий искусственного интеллекта пока не достигнуто, и нет доказательств, что может быть действительно достигнуто в будущем. Этот вопрос актуален в силу того, что, согласно имеющей место в научной литературе точке зрения, субъект, который чувствует или каким-либо образом осознаёт, имеет моральное право на то, чтобы иметь соответствующий правовой статус [15, р. 213].

Соответственно, юнит искусственного интеллекта не может быть сравним в полной мере с человеком, поскольку не имеет (либо не имеет в достаточной мере или в надлежащем понимании) души, интенциональности своих действий, сознания, чувств, интересов и свободной воли [14].

Однако, как указывают Самир Чопра и Лоуренс Уайт, в праве сознание не является необходимым или достаточным условием для правосубъектности, поскольку, с одной стороны, полностью сознательные физические лица, такие как дети, рабы, были лишены полной правосубъектности, а, с другой стороны, люди, временно не обладающие сознанием, например находящиеся в коме или спящие, на этом основании её не лишаются, хотя и в некоторых случаях не могут осуществлять реализацию многих своих прав. Так же и юридические лица не обладают сознанием [6].

Истории известны различные ситуации наделения разных людей правосубъектностью разной степени: на-

пример, в разное время и в различных юрисдикциях различались по своему правовому статусу мужчина – глава семьи, замужняя женщина, дети и рабы, и некоторые категории населения вообще практически не рассматривались как субъекты права либо имели ограниченную правосубъектность [6].

Соответственно, с одной стороны, отсутствие сознания для человека не является основанием для лишения его общей правосубъектности, а с другой, исторический опыт показывает, что не всегда человек, находящийся в сознании, обладал полной правоспособностью и дееспособностью, что ещё более не позволяет в полной мере даже в теории приравнять правовой статус человека и правовой статус юнита искусственного интеллекта.

Кроме того, пока суды всего мира придерживаются подхода не наделять некоторых “наиболее разумных” видов животных правосубъектностью, нельзя говорить о её предоставлении искусственным агентам.

Так, Сюзен Хасслер указывает, что пока ещё не завершены окончательно дискуссии относительно юридического понятия личности применительно к женщинам, детям, а также высокоразвитым животным, таким как шимпанзе [9].

Исследователи выделяют следующие аргументы против наделяния искусственного интеллекта индивидуальной правосубъектностью, схожей с человеческой:

– юнит искусственного интеллекта в силу своей природы не может быть привлечён к ответственности, соответственно, под вопросом может оказываться способность такого юнита реализовывать свои права, выполнять

обязанности и нести за это ответственность;

– юниты искусственного интеллекта не могут в своей деятельности принимать решения, которые носят нравственный и субъективный характер [14].

Представляется целесообразным привести следующий пример.

В США в декабре 2017 г. был разработан и внесён в Конгресс проект закона «Об основополагающем понимании применимости и реалистичной эволюции искусственного интеллекта» (закон о будущем искусственного интеллекта) от 2017 г. [10].

Данный проект представляет научно-исследовательский интерес в силу предлагаемого в нём определения понятия искусственного интеллекта.

Пп. 1 п. “а” ст. 3 данного проекта нормативно-правового акта предусматривает, что понятие “искусственный интеллект” включает в себя следующее:

«(1) Искусственный интеллект. – Термин “искусственный интеллект” подразумевает следующее:

(А) любые искусственные системы, выполняющие задачи в изменяющихся и непредсказуемых условиях без значительного контроля со стороны человека либо способные учиться на своём опыте и повышать свою производительность. Такие системы могут быть разработаны в программных, аппаратных или других, ещё не предполагаемых дизайнах [форматах]. Презюмируется, что они могут решать задачи, требующие человекоподобного восприятия, сознания, планирования, обучения, сообщения или физических действий. В целом чем более система антропоморфна [подобна человеку] в контексте своих задач, тем более мож-

но утверждать, что она использует искусственный интеллект;

(В) системы, думающие как люди, такие как когнитивные архитектуры и нейронные сети;

(С) системы, действующие как люди, такие как системы, способные пройти тест Тьюринга или другие аналогичные тесты посредством обработки естественного языка, представления знаний, автоматизированных рассуждений и обучения;

(D) набор технических средств, стремящихся имитировать выполнение каких-либо когнитивных задач;

(Е) системы, действующие разумно, такие как интеллектуальные программные агенты и материальные роботы, достигающие своих целей с помощью восприятия, планирования, рассуждения, обучения, коммуницирования, принятия решений и совершения действий.

(2) **Общий искусственный интеллект.** – Термин “общий искусственный интеллект” означает условную систему искусственного интеллекта будущего, которая демонстрирует, по-видимому, интеллектуальное поведение, по крайней мере, настолько же продвинутое, как и поведение человека, причём как когнитивное, так и эмоциональное, и социальное.

(3) **Инструментальный искусственный интеллект.** – Термин “Инструментальный искусственный интеллект” означает систему искусственного интеллекта, решающую задачи в определённой прикладной области, такой как стратегические игры, перевод с языка на язык, беспилотные автомобили и распознавание образов» [10].

Данное определение исходит из концепта антропоморфности юнита

искусственного интеллекта, но, несмотря на это, указанный проект нормативно-правового акта не содержит указаний на необходимость или даже возможность наделения юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью.

Применение концепции коллективного субъекта права к электронному лицу

Правосубъектность, с одной стороны, неизменно связана с автономией личности, но, с другой, она не предоставляется исключительно человеку, законом она распространена и на нечеловеческих субъектов, таких как корпорации [14].

На наш взгляд, неперспективным является подход к наделению юнита искусственного интеллекта статусом электронного лица только лишь в силу его подразумеваемых свойств и качеств, позволяющих провести аналогию с человеческим существом, имеющим моральное право на правосубъектность в силу таких качеств, в отличие от института электронного лица – юридической фикции, позволяющей решить практические проблемы, возникающие на данном этапе развития технологий искусственного интеллекта и их применения и состояния действующего законодательства.

Представляется, что институт электронного лица не предполагает реального наделения юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью физического лица, а, скорее, схож с институтом юридических лиц, однако с ещё большей нацеленностью на достижение конкретных практических целей.

Наделение юнита искусственного интеллекта правовым статусом электронного лица должно быть направлено не на признание автономности и самостоятельности такого юнита и освобождение физических и юридических лиц от ответственности за его действия, а наоборот, на укрепление такой подотчётности и решение проблем идентификации юнитов искусственного интеллекта и стоящих за ними реальных людей.

На первый взгляд, организация и компьютерная программа – это совершенно разные явления, однако между ними можно всё же провести некоторые аналогии с точки зрения их правосубъектности [3, р. 53].

Электронное лицо может иметь сходство с юридическим лицом в том смысле, что оба являются для их владельцев средством достижения определённой цели и существуют и создаются исключительно в интересах их владельцев. Робот, будучи наделённым правовым статусом электронного лица, не получает внезапно прав и обязанностей, аналогичных человеческим, а владелец робота создаёт юридическую фикцию, контроль над которой он осуществляет [7].

Однако на этот счёт существуют и альтернативные точки зрения.

С.М. Солайман, например, отмечает, что при рассмотрении вопроса о признании правосубъектности юнитов искусственного интеллекта последние нельзя сравнивать с юридическими лицами, поскольку ни одна из концепций правосубъектности юридического лица не применима к роботам. Скорее, юнит искусственного интеллекта возможно сравнить с животным по критериям автономности,

самосознания или самоопределения, однако в таком случае он должен также иметь правовой статус, скорее, объекта права. У животных и у роботов отсутствует такой критически важный элемент правосубъектности, как способность осуществлять права и обязанности [12, р. 176].

К весьма существенным различиям между организациями и юнитами искусственного интеллекта можно отнести то, что организации автономны фиктивно, решения по поводу их действий принимаются их владельцами или эксплуатантами, и юнит искусственного интеллекта может пользоваться гораздо большей степенью автономности по своему характеру и не контролироваться в полной мере своим владельцем или разработчиком [14].

При определении особенностей правового статуса электронного лица, необходимо учитывать, что такое лицо может представлять собой интегральное сочетание одновременно субъекта права и объекта права [4].

Причины и целесообразность наделения юнита искусственного интеллекта правосубъектностью

Выделяют, по меньшей мере, три причины (резона) наделения актора правосубъектностью:

- моральное право актора на правосубъектность;
- социальный потенциал актора;
- удобство с юридической точки зрения [15, р. 213].

Очевидно, что к юнитам искусственного интеллекта может быть применена только третья причина.

И примеров таких ситуаций, когда наделение юнита искусственного

интеллекта правовым статусом электронного лица оправданно с точки зрения решения некоторых правовых проблем, немало.

К примеру, отметим, что среди некоторых исследователей существует точка зрения, согласно которой роботы должны быть наделены статусом электронного лица для того, чтобы освободить своих создателей и пользователей от потенциальной ответственности за действия юнитов искусственного интеллекта [12, p. 157].

Придание статуса правосубъектно-го лица юниту искусственного интеллекта может быть эффективным для решения проблем, связанных с ведением электронного бизнеса, касающихся вопросов идентификации и определения юрисдикции [3, p. 53].

Независимо от природы и особенностей правового статуса электронного лица он может способствовать решению проблем, связанных с интеллектуальной собственностью, создаваемой искусственным интеллектом [11, p. 59].

При этом, по мнению Стивена де Шрайжвера, многие преимущества, которых предполагается достичь с помощью введения института электронной личности, могут быть обеспечены и с помощью иных правовых механизмов, без наделения роботов правосубъектностью [7].

Электронные лица в рамках существующих правовых систем

При наделении актора правосубъектностью необходимо учитывать, способствует ли это достижению целей конкретной правовой системы или, наоборот, препятствует [5].

При этом новые технологии, позволяющие интеллектуальным роботам принимать решения, которые не были предварительно одобрены их разработчиками или владельцами, порождают новые правовые проблемы, поскольку существующие правовые системы формировались без учёта возможности применения такого рода технологий [7].

Подходы к правосубъектности могут различаться в разных правовых системах. Исследователи отмечают, что естественно рассматривать правосубъектность как фикцию, претендующую на то, чтобы быть реальной. Если в правовой системе предоставлены юридические права и обязанности организации, презюмируется отношение к этой организации как к реальному лицу [5].

Создание отдельного правового статуса электронного лица приведёт к созданию нового правового института, в рамках которого действия роботов будут контролироваться и управляться отдельно от его владельца или эксплуатанта, а также позволит прояснить, что происходит при вступлении в правоотношения с роботами, и определить отношения между роботом и третьей стороной, а также между роботом и его владельцем [7].

Джоанна Брайсон, Михалис Диамантис и Томас Грант указывают, что необходимо проявлять осторожность и учитывать проблемы, возникавшие в прошлом с введением новых видов лиц с юридической точки зрения, поскольку иногда расширение понятия лица может происходить за счёт интересов тех, кто уже к ним имеет отношение [5].

Правовая система, созданная людьми, в конечном счёте существует для того, чтобы защищать интересы людей, и в отсутствие какой-либо неотложной нравственной необходимости необходимо учитывать возможные последствия любых изменений в праве, как позитивных, так и негативных, именно для людей, а признание юнитов искусственного интеллекта как правосубъектных личностей будет представлять собой весьма существенное изменение [5].

Несмотря на то, что действующее законодательство в принципе позволяет вписать в правовые рамки отношения, возникающие в связи с использованием юнитов искусственного интеллекта, в частности, в случае определения ответственности владельца за действия юнита искусственного интеллекта, а в случае совершения таких действий в результате недоработок производителя и программиста – посредством задействования института регрессной ответственности, всё же это законодательство не заточено под такие ситуации, что может приводить к сложным проблемам толкования. Соответственно, введение отдельного специального института электронного лица позволит упорядочить эти правоотношения и применимое к ним законодательство.

Для обеспечения эффективности функционирования такого нового правового института необходимы принятие соответствующих мер как можно большим количеством стран на национальном уровне, а также разработка и принятие стандартов на международном уровне, поскольку электронные коммерческие отношения во многом глобализованы.

Ведение единых реестров электронных лиц

Наделение юнита искусственного интеллекта электронной личностью с правовой точки зрения будет означать также и способность такого юнита нести ответственность за свои действия или бездействия. И одна из существенных проблем заключается в сложности надлежащей идентификации такого юнита, в особенности если аппаратное и программное обеспечение распределено по разным сайтам и поддерживается разными лицами. В таком случае необходимо будет создание и ведение соответствующего реестра, по аналогии с реестрами юридических лиц [15, р. 215].

В такого рода реестры могут подаваться документы, содержащие информацию о владельцах и полномочиях электронных лиц. Такие механизмы могут быть полезными для ограничения автономности роботов и определения ответственности за их действия. Причём, как отмечает Стивен де Шрайввер, чёткое определение полномочий и способностей юнита искусственного интеллекта имеет особенно важное значение для его владельца, поскольку он сможет принимать автономные решения, которые владелец не всегда сможет отслеживать [7].

Одним из преимуществ ведения такого реестра также является возможность ознакомления с информацией, в нём содержащейся [7].

Система реестров электронных лиц может использоваться для предотвращения использования таких технологий в противоправных целях [3, р. 53].

Специальная правосубъектность электронных лиц в контексте агентских отношений

Эмили Уайтценбоук отмечает, что сегодня компьютеры являются не только средством коммуникации, которое обеспечивает и облегчает ведение электронной торговли, но и сами способны инициировать такую коммуникацию. Роль компьютера здесь развивается от роли пассивного инструмента до активного участника соответствующих процессов, способного генерировать соглашения самостоятельно, а не только быть средством генерации таких соглашений. И здесь возникает проблема правосубъектности таких агентов, которая необходима для придания юридической силы заключаемым ими договорам [15, p. 211, 212].

Эмили Уайтценбоук отмечает следующие релевантные принципы законодательства об агентских отношениях (главным образом стран общего права), имеющие важное значение для заключения договоров с электронными агентами:

– концепт попустительских полномочий, с учётом которого лицо, инициировавшее деятельность электронного агента, может добровольно наделить его полномочиями односторонним выражением готовности к тому, что его правовое положение может быть изменено действиями электронного устройства либо если такие полномочия презюмируются;

– концепт ратификации: если электронный агент (юнит искусственного интеллекта в качестве такового) совершает несанкционированную сделку с третьей стороной, возможно, что лицо, инициировавшее деятельность

электронного агента, может позднее подтвердить эти операции, ратифицировав их;

– концепт нераскрытого принципа: агент уполномочен совершать сделки от имени нераскрытого принципа, в этом случае договор считается заключаемым между агентом и третьей стороной [15, p. 219, 220].

Наделение программного обеспечения правосубъектностью необходимо рассматривать как следствие необходимости организации коммерческой деятельности на более высоком уровне [3, p. 53].

Преимущество наделяния искусственных агентов правосубъектностью в контексте контрактных отношений заключается в возможности проведения полноценных параллелей с человеческими агентами с точки зрения возможности третьей невиновной стороны подавать на агента в суд за нарушение обязательств [6].

Возможные негативные последствия наделяния юнитов искусственного интеллекта определённой правосубъектностью

По мнению С.М. Солаймана, предоставление роботам правосубъектности может не быть панацеей, скорее, это может оказаться ящиком Пандоры [12, p. 176].

Вообще возникает вопрос о том, что есть человеческое существо? [2]

Алжбета Краузова отмечает, что остаются вопросы относительно того, не приведёт ли создание правового статуса электронного лица к нарушению функционирования общества и насколько таковой статус может быть потенциально использован отдель-

ными субъектами для того, чтобы избежать личной ответственности [11, р. 59].

Согласно Майклу Золлоси, понятие электронного лица является проблемным с точки зрения контекста его предложения, т. к, помещая роботов и искусственный интеллект в определённые исторический и идеологический контекст и дискурс, от Франкенштейна до Азимова, документы ЕС по данной теме воспроизводят очень старые и в значительной степени неточные концепции как роботов, так и человеческих существ [13, р. 2].

По мнению Майкла Золлоси, в документах ЕС, касающихся электронных лиц, роботы рассматриваются, скорее, в качестве косвенного средства для более фундаментальной дискуссии относительно того, что означает быть человеком, и, несмотря на благие намерения, они усугубляют общественные опасения относительно роботов, а также продолжают знакомое повествование о роботах как о заклятом враге человечества. Эта популярная концепция демонстрирует то, как роботы становятся вместилищем культурной озабоченности относительно того, что значит быть человеком, и то, как такая озабоченность может оказывать негативное воздействие на потенциальные благоприятные способы применения социальной робототехники, например, в сфере образования или социального обслуживания [13, р. 2].

Могут также возникать и определённые проблемы в зависимости от применённой к электронным лицам концепции правосубъектности.

Так, если рассматривать правосубъектность электронного лица как индивидуального субъекта, аналогичного

человеку, предоставление ему такого правового статуса является важным шагом на пути к получению полного набора конституционных (“человеческих”) прав, что может порождать в дальнейшем иные проблемы и вопросы: например, относительно того, могут ли к юнитам искусственного интеллекта применены такие конституционные гарантии, как, например, право не содержаться в рабстве [6].

Кроме того, по мнению Джоанны Брайсон, Михалиса Диамантиса и Томаса Гранта, в конечном счёте наделение юнитов искусственного интеллекта статусом электронных лиц может привести к ослаблению правовой защиты людей по сравнению с ними [5].

Одним из аргументов против наделения юнитов искусственного интеллекта правовым статусом электронного лица является также их ограниченная уязвимость к наказанию. Хотя, как отмечают Самир Чопра и Лоуренс Уайт, современные корпорации также наделяются правосубъектностью, и, несмотря на то, что они не могут быть, например, лишены свободы, на них могут быть наложены финансовые санкции [6].

И, наконец, приведём следующее мнение. Так, Сюзен Хаслер задаётся следующим вопросом: почему вместо того, чтобы предположить, что этически спорное будущее с разумными машинами неизбежно, мы не можем выбрать управление машинами, которые мы строим, и бросить вызов технологическому императиву? Или мы настолько в плену у идеи создания искусственной жизни, монстров и големов, что это невозможно? [9]

Мы полагаем, что концепт правосубъектности “электронное лицо”

может быть в некоторой перспективе внедрён, но пока для весьма ограниченного числа случаев сложных роботизированных систем с искусственным интеллектом.

Конкретное содержание понятия “электронное лицо”, отражающего специфическую форму правосубъект-

ности некоторых юнитов искусственного интеллекта, находится сегодня на стадии научно-юридической проработки и обсуждения. Релевантных, исчерпывающе прописанных и надлежаще обоснованных концептов для сего дня никем представлено не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 15–30.
2. Понкин И.В., Понкина А.А. К вопросу о содержании понятия “человек” с позиций медицинского права и биоэтики // Главврач. 2015. № 3. С. 16–23.
3. Bayamlioplu E. Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality // Ankara Bar Review. 2008. No. 1. P. 46–54.
4. Bowyer K. Robot rights: at what point should an intelligent machine be considered a “person”? [Электронный ресурс] // Techxplore: [сайт]. URL: <https://techxplore.com/news/2017-02-robot-rights-intelligent-machine-person.html> (дата обращения: 02.04.2018).
5. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, For, and By the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons [Электронный ресурс] // University of Bath: [сайт]. URL: <http://www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/BrysonDiamantisGrant17-preprint.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).
6. Chopra S., White L. Artificial Agents – Personhood in Law and Philosophy [Электронный ресурс] // Brooklyn College: [сайт]. URL: <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).
7. Schrijver S. de The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots [Электронный ресурс] // Who’s Who Legal. [2018]. URL: <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomous-robots> (дата обращения: 02.04.2018).
8. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Электронный ресурс] // European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 02.04.2018).
9. Hassler S. Do We Have to Build Robots That Need Rights? [Электронный ресурс] // IEEE Xplore. URL: <http://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?arnumber=7864739> (дата обращения: 02.04.2018).
10. H.R.4625 – Future of Artificial Intelligence Act of 2017, 115th Congress (2017–2018). [Электронный ресурс] Delaney / ed. J.K // Congress.Gov. [12.12.2017] URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4625/text> (дата обращения: 02.04.2018).
11. Krausová A. Intersections between Law and Artificial Intelligence // International Journal of Computer. 2017. Vol. 27. No. 1. P. 55–68.
12. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. No. 2. P. 155–179.
13. Szollosy M. Robots, AI, and the question of “e-persons”: a panel at the 2017 Science in Public conference, July, 10–12 2017 // Journal of Science Communication. 2017. Vol. 16. No. 4. P. 1–6.

14. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics [Электронный ресурс] // Nishith Desai Associates [сайт]. URL: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf (дата обращения: 02.04.2018).
15. Weitzenboeck E.M. Electronic Agents and the Formation of Contracts // *International Journal of Law and Information Technology*. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 204–234.

REFERENCES

1. Gadzhiev G.A. [Is Robot Agent a Person?]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 1, pp. 15–30.
2. Ponkin I.V., Ponkina A.A. [To the Issue of the Content of the Concept of “Man” From the Standpoint of Medical Law and Bioethics]. In: *Glavvrach* [Head Physician], 2015, no. 3, pp. 16–23.
3. Bayamlioglu E. Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality. In: *Ankara Bar Review*, 2008, no. 1, pp. 46–54.
4. Bowyer K. Robot Rights: at What Point Should an Intelligent Machine Be Considered a “Person”? In: *Techxplore*. Available at: <https://techxplore.com/news/2017-02-robot-rights-intelligent-machine-person.html> (accessed: 02.04.2018).
5. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, For, and By the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons. In: *University of Bath*. Available at: <http://www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/BrysonDiamantisGrant17-preprint.pdf> (accessed: 02.04.2018).
6. Chopra S., White L. Artificial Agents – Personhood in Law and Philosophy. In: *Brooklyn College*. Available at: <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf> (accessed: 02.04.2018).
7. Schrijver S. de The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots. In: *Who’s Who Legal*, 2018. Available at: <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomous-robots> (accessed: 02.04.2018).
8. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics, 2015/2103(INL). In: *European Parliament*. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (accessed: 02.04.2018).
9. Hassler S. Do We Have to Build Robots That Need Rights? In: *IEEE Xplore*. Available at: <http://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?arnumber=7864739> (accessed: 02.04.2018).
10. Delaney J.K., ed. H.R.4625 – Future of Artificial Intelligence Act of 2017, 115th Congress (2017–2018). In: *Congress.Gov*, 12.12.2017 Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4625/text> (accessed: 02.04.2018).
11. Krausová A. Intersections between Law and Artificial Intelligence. In: *International Journal of Computer*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 55–68.
12. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. In: *Artificial Intelligence and Law*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 155–179.
13. Szollosy M. Robots, AI, and the question of “e-persons”: a panel at the 2017 Science in Public conference, July 10–12, 2017. In: *Journal of Science Communication*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 1–6.
14. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics. In: *Nishith Desai Associates*. Available at: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf (accessed: 02.04.2018).
15. Weitzenboeck E.M. Electronic Agents and the Formation of Contracts. In: *International Journal of Law and Information Technology*, 2001, vol. 9, no. 3, pp. 204–234.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морхат Пётр Мечиславович – кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Московской области;
e-mail: constitution88@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Piotr M. Morkhat – PhD in Law, judge of the Arbitration Court of the Moscow Region;
e-mail: constitution88@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73

FOR CITATION

Morkhat P.M. Artificial Intelligence Unit as Electronic Personality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 61–73
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73